

«Свету моей души», Ландону и Папи

Предисловие

В отличие от сегодняшнего положения России, которая находится на политической и психологической окраине Европы, период от окончания Наполеоновских войн и до Крымской войны (1853–1856), а по некоторым спорным оценкам — до Октябрьской революции 1917 года, представлял собой время полной интеграции в политическую и социальную жизнь Европы. В этот период Четверной союз, Всеобщий союз, великий союз и европейская политическая система были краеугольными камнями русской дипломатии. Россия возглавляла коалицию, одержавшую победу над Наполеоном в 1813–1814 годах, русская армия с доблестью и честью сражалась в 1812 году, а император России предстал в глазах своих подданных и приближенных помазанником Божьим, посланным для спасения Европы. С точки зрения России славная победа 1812 года и последующие войны, лишившие Наполеона трона, демонстрировали, что император Александр I (г. п. 1801–1825) и его народ вместе с союзниками служили в исторической перспективе инструментом Божественного Провидения. Неудивительно, что для российских монарха и дипломатов достигнутый в 1814–1815 годах мир и миротворческая деятельность, которая последовала за этим на протяжении нескольких лет, тоже казались ниспосланными свыше.

Основные контуры того, что современники называют европейской политической системой, были выработаны на Вестфальском конгрессе, на котором правители и дипломаты признали в качестве фундамента европейского порядка суверенитет государств (а не империй, династий или религиозных верований). Основываясь на принципе, что государственный суверенитет дает каждому правительству право выбирать для своей страны

свои религию и политическую структуру, не опасаясь вторжения извне, миротворцы также утвердили принцип баланса сил между независимыми государствами, направленный на то, чтобы сохранить равновесие в Европе и не позволить одной стране стать достаточно сильной, чтобы добиться гегемонии. В конечном итоге Вестфальские соглашения не помешали революционной Франции нарушить это равновесие или наполеоновской Франции доминировать над Европой. Таким образом, после военной победы над Наполеоном возникла необходимость перестроить европейскую государственную систему. После примерно 25 лет ожесточенных битв, хрупких коалиций и утомительной дипломатии правители и дипломаты Континентальной Европы стремились создать устойчивый мир и готовились пойти на существенные компромиссы ради достижения этой цели. В целом ряде многосторонних договоров, конвенций и протоколов, созданных в первую очередь, но не исключительно в Париже и на Венском конгрессе (1814–1815), политические лидеры пересмотрели публичное право Европы, на основании чего позже возник правовой фундамент для международной дипломатии и отношений между правительствами и народами.

Поколениями историки изучали дипломатическую игру, которую вели между собой европейские политики в период Французской революции, Наполеоновской империи и миротворческого процесса, последовавшего за победой над Францией. Качество этих исследований впечатляет, однако дипломатия данного периода продолжает увлекать и задавать сложные вопросы. В последние десятилетия пересмотр структуры Европы на Венском конгрессе рассматривался в качестве образца многосторонней дипломатии и договоров о коллективной безопасности, создавших прецеденты для сегодняшней Организации Объединенных Наций и Европейского союза. Кроме того, историки продвинулись от упрощенного описания действий России к признанию решающей и часто благотворной роли императора Александра I. Научные взгляды стали более разнообразными, однако важные аспекты европейской политики остаются все еще недостаточно изученными. Это касается и понятийного аппарата, разработанного

в дипломатическом дискурсе, и отношения дипломатии к национальным или местным разновидностям политической культуры.

Среди великих держав Европы в период Реставрации Российская империя менее всех интегрирована в историографию как прошлого, так и настоящего времени. Исследуя русскую дипломатию в период с 1815 по 1823 год, эта книга призвана расширить доступную историкам базу знаний и помочь в заполнении поразительных пробелов в историографии. Начав работу непосредственно после Венского конгресса и продолжив ее вплоть до конгресса в Вероне, государственные мужи Европы безуданно трудились ради воплощения доктрины восстановления и поддержания мира, разработанной в 1814, 1815 и 1818 годах. Они завершили территориальные переговоры, кодифицировали политические соглашения и вернули побежденную Францию в союз великих держав. Что не менее важно, им удалось подавить опасные восстания и снять военную напряженность в Европе, Османской империи и испанских колониях в Америке. В свете всех этих изменений надежды Александра I на мир, его прагматизм и гибкость, его готовность действовать сообща с другими великими державами пришлось как нельзя кстати. Пристальное внимание к русской дипломатии, согласно российским источникам, не позволяет назвать поведение Александра эксцентричным, а его внешнюю политику — деспотичной и экспансионистской. Действительно, при попытке осознать российское восприятие европейского порядка (так же как и восприятие с точки зрения других, менее исследованных стран и народов) историки сталкиваются с многосторонним подходом к Реставрации, основанным на реформах в духе Просвещения и непосредственном опыте дорогостоящих войн и переворотов.

Потребовались десятилетия для того, чтобы европейские историки начали переоценку европейской Реставрации и пересмотр своего видения достижений и последствий Великой французской революции. Представленное здесь исследование вносит свой вклад в обсуждение Реставрации на нескольких уровнях. Как уже было отмечено, эта книга обращает внимание на русскую дипломатию, которая все еще не получила должного внимания иссле-

дователей и остается на периферии европейской историографии. Более того, основное внимание уделяется не разбору политических маневров в рискованной дипломатической игре, а исследованию идей и понятий, определявших внешнюю политику России. Концептуальная история дипломатии ведет, в свою очередь, к сдвигу акцентов в сторону миротворческой динамики с более привычных тем, таких как строительство империи, зарождение этнонационализма или борьба между «прогрессом» и «реакцией». В заключение эта книга рассматривает то, как пересекались принципы и действия, чтобы понять, как Александр I и его дипломатические агенты представляли внешнюю политику России в Европе и мире, как они воспринимали свою деятельность (или хотели, чтобы воспринимали их деятельность) и как они намеревались установить и поддерживать устойчивый мир.

Предметное исследование того, что означало действовать сообща — «в концерте» (*concerter*), — стало основой для более детального анализа результатов Венского конгресса и роли России в европейском обществе, чем то, что представлено на данный момент в европейской историографии. Как государственные деятели России интерпретировали и представляли принципы, задачи, решения и цели внешней политики Александра I? Как они отвечали на события на местах при реализации миротворческого процесса? Чтобы ответить на эти вопросы, в процессе исследования потребовались десятки лет работы в российских военных и дипломатических архивах. Доступ к архивам, особенно после окончания холодной войны, расширил знания историков о социально-экономическом, институциональном и культурном контексте внешней политики. Уже в 1980 году автор начала работу в Центральном государственном военно-историческом архиве (ЦГВИА) СССР. Исследователям, таким как Патриция Кеннеди Гримстед, чья книга «Министры иностранных дел Александра I» 1969 года остается фундаментальной, не хватало возможности регулярно обращаться к архивам. На протяжении 1960-х годов ЦГВИА и Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ) были закрыты для иностранных исследователей. Сегодня, в условиях посткоммунистической атмосферы

открытого научного обмена, книга Гримстед остается самым свежим англоязычным исследованием персоналий и политической мысли, стоявших за внешней политикой Александра I. Иными словами, требуется выполнить большой объем работы, чтобы история русской дипломатии была так же тщательно изучена, как дипломатия Австрии, Великобритании или Франции. Нет лучшего способа понять цели и амбиции текущей внешней политики России, чем через изучение дипломатического поведения и идей, на основании которых были приняты конкретные решения в прошлом.

Благодарности

Исследование для этой книги было проведено в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) и Архиве внешней политики Российской империи (АВП РИ) во время моих поездок в Москву в 2013, 2017 и 2019 годах. Я благодарна администрации и сотрудникам этих учреждений за предоставленный доступ к богатым архивным фондам и создание профессиональной рабочей обстановки. Я начинала свое исследование как приглашенный профессор на факультете истории в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» в Москве, где имела замечательную возможность преподавать российским студентам и общаться с коллегами из России. Выражаю особую благодарность А. Б. Каменскому, декану факультета, за организацию моего пребывания. В 2017 году моему исследованию также помогло приглашение стать участником Международной конференции «Что такое Просвещение? Новые ответы на старый вопрос», проходившей в московском Музее-усадьбе «Кусково».

Благодаря статусу приглашенного профессора Тюбингенского университета, что было организовано Ингрид Ширли при спонсорской поддержке Германской службы академических обменов (DAAD), 2017 и 2018 годы я плодотворно провела за написанием исследовательской работы и в дискуссиях с коллегами. В Тюбингене, будучи гостем Института восточноевропейской истории и регионоведения под руководством Клауса Гествы, я получила возможность преподавать, представлять свое исследование и помогать в организации международных семинаров. Я также воспользовалась возможностями представить свое исследование в других университетах Германии: в Мюнхене, Фрайбурге и Бон-

не. Я благодарна принимающей стороне, сотрудникам, коллегам и студентам, благодаря которым эти мероприятия успешно состоялись.

Я также благодарна организаторам двух международных научных конференций, на которых я смогла представить и обсудить исследование, изложенное в этой книге: 1) «Россия и Наполеоновские войны» при поддержке Фонда Фредерика Паулсена, Центра по изучению международных отношений и дипломатии Лондонской школы экономики и политических наук (LSE IDEAS) и Государственного исторического музея (ГИМ), состоявшейся в мае 2014 года в Межотне, Латвия; и 2) «The Price of Peace: Modernising the Ancien Régime? Europe 1815–1848», прошедшей в августе 2016 года в Парижской школе искусств и культуры Кентского университета.

В равной степени плодотворны были презентации исследования и дискуссии, организованные Валери Кивельсон в Мичиганском университете в городе Энн-Арбор (февраль 2019 года), Гейл Лейнхофф на Ежегодном зимнем семинаре Калифорнийского государственного исследовательского университета в Лос-Анджелесе (UCLA) по славистике Средневековья и раннего Нового времени (февраль 2014, 2015, 2018 годов) и Полом Вертом на Пустынном семинаре по русской истории Невадского университета в Лас-Вегасе (март 2017 года).

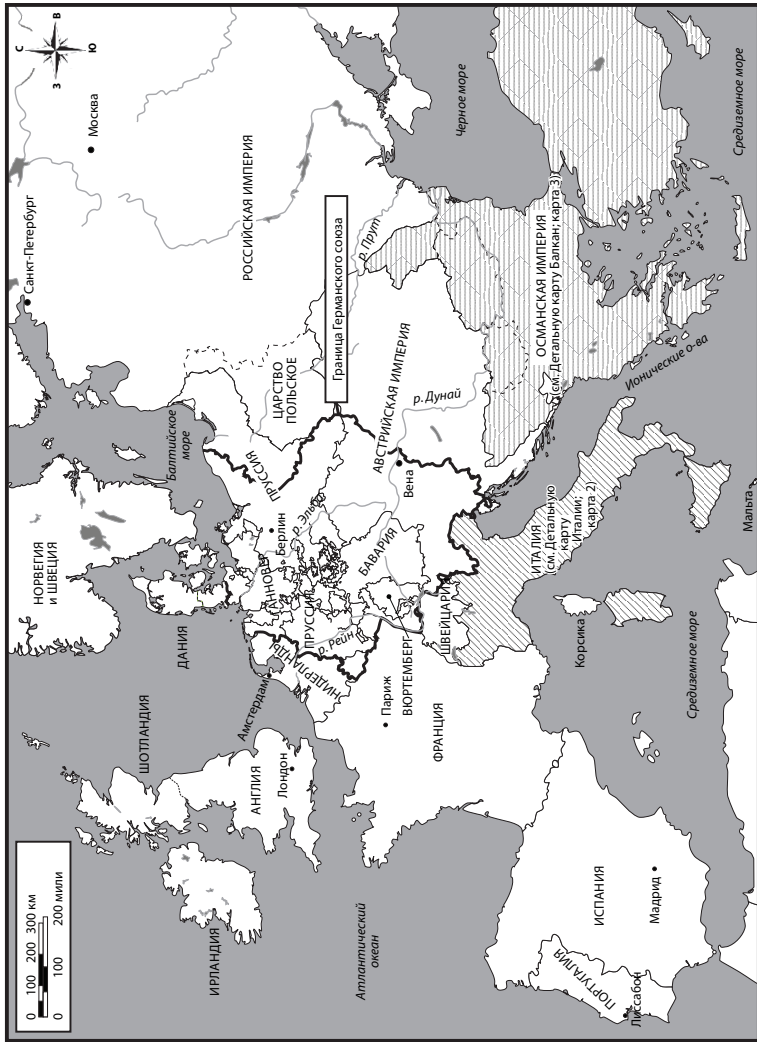
Я также благодарю свои родные стены, Калифорнийский государственный политехнический университет в Помоне, за предоставление долгосрочных и краткосрочных академических отпусков, которые позволили мне преподавать в Москве и Тюбингене. Также выражаю благодарность Ами Фарранто из издательства «Northern Illinois University Press», Кристин Воробец, Джанет Хартли и анонимному рецензенту — эти люди являются собой образец профессионализма и интеллектуальной добросовестности — за их предложения, комментарии, критику и редакторские советы, внесшие вклад в публикацию этой книги. В заключение я благодарю свою дочь Валери Виртшафтер за профессиональное редактирование и адаптацию карты, использованной на обложке этой книги.

Сокращения

АВПРИ	Архив внешней политики Российской империи
Д.	дело
Ф.	фонд
Л.	лист, листы
Мартенс, <i>Собрание</i>	Ф. Мартенс. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами (Recueil des Traités et Conventions, conclus par la Russie avec les puissances étrangères), СПб.
об.	оборотная сторона
Оп.	опись
ПСЗ	Полное собрание законов Российской империи
РГАДА	Российский государственный архив древних актов
СИРИО	Сборник Императорского Русского Исторического Общества
Т.	том
ВПр	Внешняя политика России: документы Российского министерства иностранных дел

Комментарий о летоисчислении

В XIX веке в России использовался юлианский календарь (старый стиль), который на 12 дней отставал от грегорианского календаря, используемого в большинстве государств Европы (новый стиль). Поскольку российские дипломатические источники, как правило, указывают даты по старому стилю и далее (в скобках) по новому стилю, я вслед за российскими документами буду стараться приводить даты по двум календарям. Везде, где не указана дата по двум календарям, следует предполагать летоисчисление по новому стилю (несмотря на то что в российских источниках без двойного указания даты иногда непонятно, какое летоисчисление используется). При обсуждении внутренних дел России я использую даты по старому стилю, как это принято в русских научных исследованиях.

Карта 1. Европа в 1815 году. Автор: М. Бехтгольд (mike@blackflight.ca)

Карта 2. Детальная карта Италии. Автор: М. Бехтгольд (mike@blackflight.ca)

Карта 3. Детальная карта Балкан. Автор: М. Бехтгольд (mike@blackflight.ca)

Введение

Россия как великая европейская держава

Становление России как великой европейской державы началось с военных реформ и амбициозной внешней политики Петра I, чье правление (1682/1689–1725) для многих поколений историков олицетворяет трансформацию Московского царства в Российскую империю. В октябре 1721 года, одержав победу над Швецией в Северной войне (1700–1721), Петр I принял титул «Петра Великого, Отца Отечества, Императора Всероссийского». Ученые спорят, в чем заключается величие Петра, и по-разному оценивают эффективность, глубину и устойчивость преобразований в зависимости от того, о какой именно реформе идет речь¹. В отношении военной мощи и внешней политики Петровские реформы смогли решить ключевые проблемы, которые не удавалось преодолеть в рамках системы Московского царства. Это касается юридических механизмов, привязывавших государственную службу к социальному статусу, и взаимоотношений властей, связывающих монархию, церковную иерархию и дворянство. В то время как монархия обеспечивала военную мобилизацию европейского образца и соблюдение принципов Вестфальского мира о суверенности, Церковь и дворянство признавали необходимость в сильном государстве как гаранте их собственной безопасности и процветания. Начиная с правления

¹ Англоязычные дискуссии о Петре I см. в [Bushkovitch 2016; Cracraft 2006; Hughes 2000].

Петра I монархи и дворянство также увидели, что импорт и адаптация европейских технологий и культурных моделей предоставляют лучшие возможности для противостояния европейским державам. Поэтому европеизация стала отличительной чертой правительственных реформ и символом общественного прогресса.

Более всего долгосрочное влияние Петровских реформ заметно в организации морского флота, регулярной армии, офицерского корпуса, командования и системы поставок. Однако рост военной силы также требовал реформирования основных социальных и политических институтов. Новый порядок, который будет действовать до отмены крепостного права в 1861 году, сыграл ключевую роль в военных успехах России во время Французской революции и Наполеоновских войн. Фактически России удалось реализовать систему всеобщего воинского призыва, основанную на крепостном праве и прикреплении людей к местным общинам и социальным группам, за десятилетия до возникновения французской гражданской армии. Военный призыв и способность мобилизовать экономические ресурсы позволили правительству России содержать многочисленную регулярную армию, благодаря чему стала возможной победа над Наполеоном. В отличие от того, как это происходило в революционной Европе, военные устремления России не проистекали из военно-политических амбиций идеологически мотивированных наций с оружием в руках [Bell 2007: 1–17]. Они происходили скорее из чисто физической необходимости, распространенной веры в Бога и Божественное провидение, готовности служить царю, верности семье, общине и стране — все это подкреплялось необычайной выносливостью и повсеместной угрозой применения насилия.

Согласно Соборному уложению 1649 года — своду законов Московского царства — все подданные царя принадлежали к установленным законом социальным категориям, выполняющим конкретные служебные обязанности и получающим взамен классовые привилегии. Начиная с 1719 года для проведения

призыва и обложения подушными податями проводилась периодическая перепись населения мужского пола. Перепись населения, привязывавшая людей к общинам, в которых они родились, возлагала бремя защиты по большей части на работающие слои населения России, основная часть которого состояла либо из государственных крестьян, либо из крепостных при помещиках. Горожане также предоставляли рекрутов и платили подушные, однако те, кто обладал достаточным капиталом для получения купеческого статуса, на ежегодной основе освобождались от этого. Дворянство и духовенство также освобождались от подушных, однако сыновья священников и нерукоположенные служители Церкви, которые не смогли получить назначение на церковную должность, могли быть призваны в особом порядке. Начиная с середины XVI века дворяне также несли обязательную военную или гражданскую службу. В теории их служба была пожизненной или до получения инвалидности и обеспечивала их право владеть землей и крестьянами. Хотя обязательная дворянская служба закончилась с принятием в 1762 году Манифеста о вольности дворянства, Петровские реформы государственной и военной службы и образования превратили дворянство в главный источник офицеров для русской армии. В соответствии с принятой в 1722 году Табелью о рангах², продвижение по службе стало основным способом движения вверх по социальной лестнице, что предоставляло дворянам возможность получить более высокий ранг, а простолюдинам — дослужиться до дворянского чина. Поэтому русские потомственные и служилые дворяне, как и вся европейская знать, стремились построить военную карьеру в погоне за славой, честью, богатством и положением в обществе³.

² Табель о рангах всех чинов, воинских, статских и придворных, которые в котором классе чины; и которые в одном классе, те имеют по старшинству времени вступления в чин между собою, однако ж воинские выше прочих, хотя б и старее кто в том классе пожалован был. Учреждена указом Петра I от 24 января (4 февраля) 1722 года. — *Примеч. ред.*

³ Обобщенное исследование сословий и воинской повинности см. в [Wirtschaftler 1997].

Исследователи давно отметили удивительную способность России массово мобилизовывать человеческие и материальные ресурсы в условиях крестьянского общества, построенного на аграрных общинах. Уже в 1630–1631 годах, задолго до Петровских реформ, постоянные наборы в армию и пожизненная военная служба стали частью русской жизни. Во время Тринадцатилетней войны (1654–1667) в армию было призвано около 100 000 человек, число внушительное, хотя и меркнувшее по сравнению с призывами XVIII века. По оценкам ученых, рекрутский набор в петровскую армию составлял 205 000 человек с 1700 по 1711 год и, по крайней мере, 140 000 человек с 1713 по 1724 год. На момент смерти Петра I в 1725 году армия насчитывала 130 000 человек в регулярных войсках, 75 000–80 000 в гарнизонах и 20 000 в нерегулярных казачьих отрядах. К середине XVIII века численность вооруженных сил достигла 292 000 человек при 23 230 000 населения, а в 1800 году — 446 000 военных при 37 414 000 населения. По разным оценкам, с 1705 по 1801 год в русскую армию было призвано около 2,25 млн человек, а с 1796 по 1815 год — 1 616 199 человек. На момент окончания военных действий против Франции в 1815 году численность русской армии составляла 727 414 человек. Российская империя сохранила свой боевой потенциал на том же уровне до конца правления Александра I, а в относительно спокойные времена с 1815 по 1853 год армия могла разрастаться еще больше. С 1816 по 1855 год число рекрутов достигло 3 158 199 человек. По сравнению с 696 000 человек на момент вторжения Наполеона в 1812 году, численность русской армии перед самым началом Крымской войны составляла 859 000 человек [Wirtschafter 2013a: 394–395; Fuller 1992: 45–46; Hartley 2008: 8–11; Wirtschafter 1990: 3].

До конца XIX века российские источники крайне фрагментарны, и в случае с военной статистикой далеко не всегда бывает ясно, какие войска подсчитывают историки. В дополнение к постоянной регулярной армии военные структуры России состояли из гарнизонных войск, инвалидных рот, военных поселений, казаков и множества различных нерегулярных формирований под руководством этнических меньшинств. Отсутствие

точной информации создает проблемы, однако можно сделать один важный вывод: имеющиеся цифры верно отображают объем административной работы, необходимой для организации призыва, подготовки и поддержания масштабных вооруженных сил России. Но сколько бы непродуктивной и произвольной временами ни казалась эта работа, она эффективно обеспечивала дорогие военные победы и имперскую экспансию на протяжении длительного времени. Кроме способности мобилизовывать ресурсы на огромной, малонаселенной территории русские военные успехи демонстрировали стойкость имперских боевых частей⁴. Как сказал прусский король Фридрих Великий, враги считали, что «русского солдата мало убить, его надо еще и повалить»⁵. Слова Фридриха, несомненно, являются апокрифическими, однако, по многочисленным свидетельствам и согласно единому научному мнению, армия Александра I сражалась в войнах 1812–1814 годов с доблестью и честью [Lieven 2009].

Именно из-за военных триумфов военная мощь России стала источником беспокойства для других великих европейских держав. Во время дипломатических переговоров, которые последовали за победой над Наполеоном, союзники России не могли понять, почему в условиях мира Александр I не распускает своих солдат. Сохранение армии в боевой готовности, как это казалось со стороны, вызывало вопросы о намерениях монарха. На деле же размер и организация русской армии в мирное время были обусловлены скорее географическими, демографическими, экономическими, социальными и административно-правовыми условиями в Российской империи, чем военными планами. Русское командование очень хорошо понимало, что численность войск необходимо сократить не столько по дипломатическим, сколько по экономическим причинам. Однако в условиях общества, построенного на крепостном праве, проблема организации

⁴ Согласно данным 1827 года, в мирное время полк в Тверской губернии, расположенной в центральной части России, мог промаршировать 100–110 верст (1 верста = 1,06 км) за 6–8 дней. См. [Wirtschafter 1990: 81].

⁵ Цит. по: [Wirtschafter 1990: 72].

призыва и поддержания готового к мобилизации в военное время резерва не давала проводить значительные сокращения.

Русская полурегулярная крестьянская армия, если не находилась в походном состоянии или летних лагерях, в которых кроме военной службы выполняла и коммунальные задачи, располагалась в разбросанных на огромных расстояниях деревнях. Также важно, что призыв на военную службу принес с собой освобождение из крепостной зависимости или из-под юрисдикции государственных деревень или городских общин, и как только рекрут становился солдатом, его юридический статус менялся, как и статус его жены и его будущих детей. Более не приписанный к своему месту рождения, солдат до увольнения из армии подчинялся своему военному командованию. Таким образом, солдат не мог быть демобилизован или отправлен домой до тех пор, пока он не получал инвалидность или не завершал свой долгий срок службы (в то время он составлял 25 лет). Большая протяженность имперских границ и медленное сообщение не оставляли правителям другого выбора, кроме как держать под ружьем большое число людей. Географические ограничения также были причиной для сохранения относительно централизованной командной структуры русской армии ради обеспечения административной и финансовой жизнеспособности⁶. Проще говоря, для того чтобы понять военное и дипломатическое положение России после победы над Наполеоном, крайне важно учитывать физическую уязвимость страны и широкий спектр потребностей в сфере безопасности.

Российская империя поддерживала надежные военные структуры как для того, чтобы обеспечить безопасность протяженных сухопутных границ, так и для продолжения имперской экспансии на прилегающих территориях, которая продолжалась с XVI века⁷. До Петровских реформ врагами России были Швеция, Речь

⁶ О русской армии в мирное время см. [Wirtschafter 1990]. Общий анализ см. в [Keep 1985].

⁷ Обсуждение военной истории России и построения империи приводится из моих процитированных ранее ранних работ, см. также [Wirtschafter 2008].

Посполитая, Крымское ханство и Османская империя. С момента окончания Смутного времени (1598–1613) — периода глубокого политического и общественного кризиса, бунтов, гражданской войны и иностранной интервенции — восстановленное Московское царство боролось за защиту своих границ от соседей-оппортунистов. По условиям Столбовского мира (1617) со Швецией Россия потеряла значительную часть территорий вдоль берега Ладожского озера и оказалась полностью отрезанной от Финского залива. Согласно Деулинскому перемирию (1618) Речи Посполитой отошла территория вдоль западной границы, включая стратегически важный город Смоленск. Неудивительно, что молодая династия русских монархов потратила большую часть XVII века на восстановление утраченных территорий. В 1656–1658 годах царь Алексей Михайлович (г. п. 1645–1676) вступил в борьбу со Швецией за контроль над балтийскими торговыми путями, а с 1620-х годов, когда православное население Украины начало искать защиты от католического господства, Московское царство вновь вступило в конфликт с Речью Посполитой. В 1654 году после восстания против поляков, которое началось в 1648 году⁸, запорожские казаки присягнули на верность русскому царю. В том же году Россия отвоевала Смоленск и начала Тринадцатилетнюю войну против Польши. В 1667 году Андрусовское перемирие подвело итог Русско-польской войне с переходом к Московскому царству Левобережной (Восточной) Украины, Киева и Смоленска [Fuller 1992: 1–21; Kotilaine 1998: 495–530].

Территориальные завоевания на Украине привели к появлению общей границы с Османской империей. Русско-турецкая война 1672–1681 годов уходит корнями в 1676 год, когда Польша по условиям Журавенского договора отдала Османской империи большую часть Правобережной (Западной) Украины. Эта война не принесла России никаких территориальных изменений, а Ос-

⁸ Восстание Богдана Хмельницкого (1648–1654) — широкомасштабное вооруженное восстание казаков Войска Запорожского против Речи Посполитой. — *Примеч. ред.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru